

THE PRIVATE LIFE OF

DEANNA DURBIN

Spectacular success was the lot of a little 14-year-old girl—then came the inevitable temperament rumors.

Here's the real story of Deanna

BY JESSIE HENDERSON

It was Papa Durbin himself who opened the door of the house on the hill—in his shirt sleeves, because he had been mending something—but it was Deanna who instantly came bounding out into the hall with the zest of any average fourteen-year-old who sees comp'ny on the front step. She bounded so fast, the brown dog Tippy at heel, that she had to check her feet, smile flashing, to keep from a slide over the threshold. . . .

They are a family without pretense, these Durbins. Though they number among them the most extraordinary child soprano in the world, who is at the same time one of the best actresses in Hollywood, they feel no itch to impress people. Somehow you can sense this—the sincerity and simplicity of her background—from Deanna's own air of modesty on the screen.

"100 Men and a Girl" had recently emerged from the studio. A year to a day from the time when she first stepped, unknown, before a movie camera, this child had attended the première of her first starring picture, wearing her first formal gown: a blue marquisette "made over" from a party dress she had on hand because she "didn't feel comfortable" in the more lavish frock that had been especially purchased for the occasion. The press notices, the roared ovation of the crowd, might easily have turned a little girl's head as well as the heads of her parents.

Yet Daddy—chancing to be in the hall—admitted you without waiting for the single servant to get there from the kitchen. And Deanna, watchful of everybody's comfort, waved a slender brown hand to the couch near the living-room fireplace. "It's soft," she said hospitably, dropping down on the far end of it.

SLIM-WAISTED in a darkish blue linen dress with white embroidery across the bodice, Deanna is as beautiful a child as you'd find in ten counties, far more beautiful in life than on the screen. And beautiful is the right word for her, for she has a sensitive face delicately tan and rose, and a sweet mouth that parts eagerly as her interest in the conversation mounts.

She has also a gift for sitting quietly and attentively, yet with an air of great animation because of the enthusiasm in her shining

In just one year Deanna went from obscurity to world fame. Autographed pictures by the thousands she's signed. But her reactions to such thrills as string-pulling at the Olvera Street Puppet show (you see her above, right, buying her ticket), to the selection of her first formal gown, prove her a normal child

blue eyes. A ladylike little girl, with graceful manners and an intelligence beyond her years (you can look up the birth certificate at Winnipeg, Canada; December 4, 1922), she's no sissy. Her favorite sport, for example, is roller skating.

"Only I can't do it any more!" she said, with genuine regret.

It's a penalty of popularity. A young artist who, via two pictures and an Eddie Cantor radio program, has so endeared herself to the public, is hard put to it to have a private life.

When Deanna, hat swung in hand, came all unaware down the terraces of Hollywood Bowl after listening to a concert the other night, the fans mobbed her. She signed autographs for an hour. If she went roller skat-

ing on any sidewalk upon the planet (the grounds around her house are too hilly), the public would bother the life. . . .

"Oh, no!" Deanna interrupted, a trifle shocked, "they don't bother me. It's only the time it takes. I like to sign autographs—but I just wouldn't get anything else done."

And she has plenty else to get done, every day and throughout the day. Determined that, come what will, their little girl shall have a life all her own for some portion of each twenty-four hours, the Durbins took the first step by leaving their comfortable small home in the section where Daddy has a real estate business, to move into the seclusion of a large, rented house with an acre of land, on a remote hillock. The studio doesn't give
(Continued on page 79)

A family without pretense, Mr. and Mrs. Durbin (top), lunching with Deanna, determined that their daughter should have a life of her own. Her picture and radio work, the heavy fan mail, which she collects at the studio Post Office, her school routine, singing lessons (under the tutelage of Andres de Segurrola, above), the fans who mob her wherever she goes, are items Deanna takes in her stride. She pays the penalty of fame in many ways but she's found there are compensations in stardom, too—such as the day the studio gave her a car

The Private Life of Deanna Durbin

(Continued from page 22)

out the address; the telephone number is changed every couple of weeks. These are Private Life Safeguards Numbers 1 and 2. The least snooty folks in Hollywood, the Durbins have found such precautions necessary if Deanna is to have a normal upbringing.

"This house is too big for us," Deanna observed now with a deprecating wag of her tawny head toward the expanse of walls and the vast rug. "I like tiny houses. Why, we have five bedrooms here! Of course, Daddy took it for the grounds. I think perhaps later we may build; just a small place. Just for ourselves, and my sister when she comes to visit."

Deanna would far rather talk about her older sister's success than about her own. She adores Edith, who, with money earned as a school teacher, paid for Deanna's first voice lessons.

Edith still teaches in a Los Angeles school, though recently she married; Deanna sang like a nightingale before the ceremony, then raced upstairs in time to descend sedately with the wedding party as bridesmaid. Incidentally, Edith is a champion fencer. "Lots and lots of medals," Deanna confided proudly. "She's—oh, she's perfectly—"

YES, but we were talking about a day's routine in this house on the hillside. Now, the first thing—

"Well, I get up in the morning," Deanna said practically, "but not any earlier than I have to. If I'm working in a picture, I have to be out of bed at six o'clock but if I'm not working"—she giggled—"I don't get up till they call me."

"Then, of course, I go to the studio every day, to school, picture or no picture. And I practice; scales, you know. And I go for my voice lesson."

"Breakfast? Oh, yes, I forgot that. I don't like to eat breakfast; it's my worst meal, really. But if I'm in a picture, Mother makes me eat bacon and eggs beside the orange juice. Generally I have lunch at the studio, usually at school noon hour; a sandwich and fruit, something of the sort. . . ."

They had to give Deanna a key to the side door of the Universal lunchroom, so that she could slip in without going around by the street entrance. So many people wanted autographs that she hadn't time to eat.

"If I'm working in a picture, I go out to the hokey-pokey cart—everyone does—for soda pop; the man comes by in the afternoon; no, I don't like ice-cream cones, only soda pop. Dinner at night's my best meal; vegetables and meat."

"Well, then," Deanna proceeded in a conscientious attempt to sum up her day, "I play Ping-pong. I wish I knew how to play tennis! And I swim whenever I get the chance—Mother has arranged for me to have some play hours, you see, each day when I'm not in a picture. And I go to the movies. I love that. Especially Mickey Mouse."

Her chief playmate is a girl cousin from the near-by town of Inglewood. The cousin, by the way, was born only an hour and a half before Deanna. It's a red-letter week when the cousin arrives to spend a day or so.

"I miss the girls I used to go to public school with," Deanna added pensively, "but my hours are so funny now that I hardly ever get to see them. And it's no use my going to visit their

classes—I did once or twice last season—because this year they're all scattered in junior high schools through Los Angeles. Still, I wouldn't have much time to spend with them, anyway. Unless perhaps they lived right next door."

She sighed. But immediately brightened when somebody mentioned another so-to-speak playmate. Naturally, Deanna no longer plays with dolls; she's studying second-year high school subjects now—Latin and algebra and Shakespeare and world history, as well as reading such books as "Tish" and "Gone with the Wind"—but there's always Henry. She flew upstairs to get him; you could hear her feet buoyantly scampering across the floor overhead, the floor of her blue, white and pink bedroom. She's unusually fond of color. Of blue, to wear; but of all colors, so that she couldn't pick out a favorite.

Down she came with Henry clasped in her arms. Henry is the rabbit that Henry Koster, director of "Three Smart Girls" and "100 Men and a Girl," gave her at Easter; a velvety, soft white bunny of remarkable size, remarkably garbed in pale strawberry plush rompers that match the lining of his great, floppy ears.

Henry is a rabbit with personality. His large, brown eyes are so placed beside his cuddly white nose as to give him an effect of peering upward with a shy, ingratiating expression delightful to behold. Deanna has carried him to Boston, Philadelphia, Winnipeg. She keeps a special chair for him in the corner of her room.

SHIFTING Henry to a nonchalant pose beneath her arm, she held out her hand with another prize possession in it. A thin chain bracelet of gold hung with "charm" doodads. "See?" she said, spinning a gold bangle balanced on an infinitesimal bar, also the gift of Director Koster. "When this spins, it spells out 'Three Smart Girls.' And, watch!" She spun another bangle, the gift of our Associate Producer Joe Pasternak. "This one spells '100 Men and a Girl.' Your eyes have to get used to the letters whirling. . . ."

She sat down on the floor, her wide blue skirt spread around her, and from under the arm not busy with Henry, she took a huddle of small silver horses, three of them. She put each separately on his feet. "Aren't they cunning? They were on one of the sets; I liked them, so they gave them to me." Wild silver manes tossing, the colts stood in lovely, static flight. Deanna's hand hovered over them caressingly.

Gifts, however, don't inflate her ego. Her sense of friendliness is too keen for that. When Universal's executive producer, Charles R. Rogers, gave her a handsome sedan after her first picture, Deanna couldn't believe that it wasn't merely a loan.

TALK next turned to her schooling. She likes arithmetic; she even likes algebra! In public school, she was selected to tend the cash register in the cafeteria. She loved doing sums and making change. Her studies she takes pretty seriously. Member of a well-educated family, she is eager for knowledge. At the moment, history holds her spellbound.

"We've been studying the best history book!" she exclaimed, "I'll show it to you." Up the stairs again—lightly two at a time—she darted; the scam-

LIGHT CONDITION YOUR HOME

use only
GENERAL ELECTRIC LAMPS

MAZDA 60-WATTS AND SMALLER
75-100 WATT SIZES . . . 20¢

15¢

Let this G-E lamp emblem on windows or doors guide you to stores that sell the new and brighter G-E MAZDA lamps.

I CAN'T RESIST THAT FLAVOR

"Neither can I! It's got the taste I like—delicious, with a bit of real tang. And it's kept so peppery and fresh. This airtight package of Beeman's guards every speck of flavor like precious essence. Beeman's is so fine for digestion, too. A happy thought after lunch or dinner—and a welcome treat any time!"

per of feet overhead; a swoop downstairs again. "There's the most wonderful paragraph summing up the World War. Wait. I've marked it with red pencil."

Strange conversation for a juvenile! But a juvenile with brains.

She pointed to the paragraph. Each word was underlined. It was Nicholas Murray Butler's estimate that for the money spent on the war every family in ten countries could have had a \$2500 house, \$1000 worth of furniture, several acres of land—with enough money left over to build scores of universities. "Isn't it dreadful?" said Deanna. "Not so much the money, as the millions of people killed?" So she's a pacifist? "I am!" answered Deanna with emphasis.

Notwithstanding the youthful mannerisms that crop up now and again, the girl knows her own mind. Nevertheless, it isn't true that she is high-handed, despite certain rumors of late to the effect that she can put people off the set if she likes—and sometimes does.

The truth of this story is that when one scene in her last picture required tears, Deanna approached Director Koster in embarrassment. "I just can't cry with people looking at me," she confessed miserably. By "people" she meant outsiders. So, reasonably enough, the visitors were asked to leave till the scene ended. Deanna did not "put them off;" the studio reports she has no say as to whether visitors shall or shall not be admitted.

There's the other story, too, about how she wouldn't pose for photographs. Well, she posed for all the publicity pictures they wanted till they asked her to be photographed in bed. There seemed no reason for her refusal, but Deanna simply didn't like the thought of being photographed in bed. Since a star ought to be permitted some leeway in preferences, she got her way. However, her associates will tell you that even after her mind is made up on a point, she will change it readily if the arguments sound sensible to her.

earlier days: "Martha Jane, beloved wife of Ezra Jones"; "Ann Louise, beloved wife of Ezra Jones"; "Mary Eliza, beloved wife of Ezra Jones." Maybe the stars prefer another way of solving their love problems than that chosen by their great-grandmothers.

My companion was not satisfied with my generalization, however, but wanted to discuss the special problem of the screen stars. We all know that John Barrymore, for example, has been married four times. His trouble isn't that he can't fall in love, but perhaps that he does it so easily.

When a great lover is an actor, he is faced with an especially difficult problem. To act well, one must have imagination and sympathy; one must be able to put himself intensely into a part and yield himself to its appeal. Now that's a great gift. But it's as dangerous in life as it is necessary on screen and stage.

An actor like Barrymore begins to fancy how it would feel to be married to some lovely girl. Pretty soon his imagination makes him picture himself in that relation. Then he feels just how it would be, holding her close, and by-and-by marrying her. Every time he meets her, he unconsciously plays the part he has allowed himself to imagine.

She knows what she wants, but she isn't stubborn.

At the moment, she rather wants the hat with the little feather spiral on it turned back to the wardrobe department; the hat she wore with such comic effect in the opera house scenes of "100 Men and a Girl." Deanna thinks it might be nice for a souvenir, since people liked it so much.

"We had a good time doing those scenes," she remarked, "though I had to run as hard as I could to get from one opera box to the next in the 'Alleluja' song." They used the same set formerly used for "Phantom of the Opera," the set with a tin roof, and the weather was broiling. "It was 125 degrees under that roof one afternoon," said Deanna. "That night, I was in bed by six. But I don't stay up after ten, anyway, as a rule; often not after seven when I'm working. I like quite a lot of sleep."

AS her clear, nicely modulated voice ran on, an unearthly sort of chirp came from around the corner. "That's Ferdinand," Deanna explained, "my bird. He likes to sing."

A canary? No, Ferdinand's a parakeet. Dark-haired Mrs. Durbin, who had entered the room a short while before (Deanna rose and stood till her mother sat down), gave a gentle laugh. "I don't know that you'd call it singing, exactly, the noise Ferdinand makes."

Deanna looked surprised and a bit hurt. "But he *does* sing, Mother," she responded, quick to defend her pet. "He does the best he can!"

Ferdinand, dog Tippy, and rabbit Henry are companioned by an artificial koala bear. Deanna explained, "it's pronounced 'koola,' and he's a native Australian." The koala bear has a place by the living-room hearth, where he is propped against a hassock.

"He's life-size," Deanna exulted, picking up the little fellow, who is about as large as a collie pup, "though he's not nearly so big, full-grown, as an ordinary bear cub—is he? The

koala bears carry their cubs pig-a-back. Oh, I do think Australia must be the nicest country, with koalas carrying their children pig-a-back and kangaroos carrying theirs in that cute pouch on their stomachs."

The topic—animals and their habits—led less illogically than one might suppose to Adolphe Menjou. He's Deanna's top-flight actor. Not only because he's such a good actor, but because he can make such frightful faces.

"He does a leopard face," she chuckled. "He does it every time I ask him. Honestly, he looks exactly like a leopard! Honestly!"

Spots and all? you inquired. "Well, no," Deanna admitted, "but anyway, it's aw-ful."

WHILE she talked you recalled that for three months after a talent scout found her, young Deanna had been under contract to Metro-Goldwyn-Mayer and that this studio, through an inadvertence, did nothing about her. Yet now, in one brief year since she was snapped up by Universal, she's a full-fledged star for whom the impeccable Menjou makes leopard faces! Just one of those distinctions—stardom or Menjou making faces for you—would be enough, yet this lucky youngster. . . .

Not all luck, either, for there is hard work, and a private life that is cupped within a few hours daily: hasty visits with friends, a book (she reads over thirty books a year), a horseback ride with adequate company. And a few months ago she could roller-skate on good, smooth concrete wherever she found it, and run with other school-girls to the candy store. Fame has its drawbacks.

"... he used to get offside, away from the camera," Deanna was giggling, still intent on Menjou, "and make the most horrible faces at me, trying to get me to laugh. Right in the middle of a scene. Sometimes, truly, it was—it was serious." She giggled again. "The movies," said Deanna, who works harder at them than many a grownup would, or could, "are fun!"

Why Can't the Stars Stay Married?

(Continued from page 29)

And, of course, all the feeling, all the sympathy of his dramatic gift slip into his behavior. Before she knows it, the girl becomes the heroine in his personal play, caught by the power of his emotional intensity. Now, just as no actor plays the same part for years, so a man like Barrymore, even without knowing it, begins to dream after a while of the excitement of a new romance.

Of course, we all have something of that tendency, but it's not so hard for ordinary people to keep from exercising it as for a screen artist. Creative natures in any field find it more difficult to keep their imaginations from being too active in their personal lives than do sedate natures. It's easy enough for an accountant to remain loyal to the woman of his dreams. His fancy seldom bothers him. But for one whose feelings become intensely stirred, while vivid pictures race through his brain, it's another story.

THERE'S more to the question than feeling and imagination, however. My Hollywood friend referred to Constance Bennett, whose romances and marriages have continually kept Hollywood on its toes. She pointed to those two early marriages of Connie's—the first, an

elopement with the young student, Chester Moorehead, which ended promptly in an annulment; the second, the society marriage with young millionaire Phil Plant, which again ended disastrously. She followed through, in her remarks, with mention of Connie's third marriage to Gloria Swanson's "ex," Marquis Henri de la Falaise, and told me of the prevailing gossip which indicated that Connie's recent trip to Europe was for the purpose of divorce. Those marriages of Constance Bennett's seemed to her to be a pretty fair indication of how most stars choose their husbands—hurriedly, recklessly, with no plan for marital permanency. There are plenty of other people with this same attitude, apparently, so it is not why the stars can't stay married, but why, having married and remarried, they're so cynical about it now.

Of course, to generalize, marriage isn't so simple as a business partnership, or even a friendship, and it must not be judged against those standards. There are more intimate, more personal sides to it, and when those aren't right most relations cease. There does not need to be—as most people seem to think—a triangle to incur a couple's unhappiness.

Miss Bennett's marriages prove this point. Both of her first two marriages

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ошеломляющий успех был уделом

маленькой 14-летней девочки - затем пошли

неизбежные слухи о темпераменте.

Вот реальная история Дины

АВТОР: ДЖЕССИ ХЕНДЕРСОН

Дверь дома на холме открыл сам папа Дурбин - в рубашке без рукавов, потому что он что-то чинил, - но тут же сама Дина мгновенно выскочила в холл с энтузиазмом любого среднестатистического четырнадцатилетнего подростка, который видит компанию на крыльце. Она прыгала так быстро, а коричневая собака следовала за ней по пятам, и ей пришлось следить за ногами, сверкая улыбкой, чтобы не соскользнуть через порог...

Они семья без претензий, эти Дурбины. Хотя среди них есть самое экстраординарное детское сопрано в мире, которое в то же время является одной из лучших актрис Голливуда, у них нет желания производить впечатление на людей. Каким-то образом вы можете почувствовать это - искренность и простоту ее происхождения - по тому, как Дина сама скромничает на экране.

"Сто мужчин и девушка" недавно вышли из студии. Через год и один день с того момента, когда она впервые, никому не известная, предстала перед кинокамерой, эта девочка посетила премьеру своей первой картины в главной роли, надев свое первое вечернее платье: синюю маркизетку, сшитую из вечернего платья, которое было у нее под рукой, потому что она "чувствовала себя некомфортно" в более роскошном платье, которое было специально куплено для этого случая. Сообщения в прессе, бурные овации толпы могли бы легко вскружить голову маленькой девочке, а также ее родителям.

Тем временем, папа, случайно оказавшийся в холле, впустил нас, не дожидаясь, пока единственный слуга выйдет из кухни. И Дина, заботясь о комфорте каждого, махнула тонкой загорелой рукой в сторону дивана у камина в гостиной. — Он мягкий, — гостеприимно сказала она, опускаясь на его дальний конец.

В ТЕМНО-СИНЕМ льняном платье с тонкой талией и белой вышивкой по лифу Дина - самый красивый ребенок, какого можно найти в десяти графствах, гораздо красивее в жизни, чем на экране. И красивая - это подходящее слово для нее, потому что у нее чувствительное лицо с нежным загаром и розовым оттенком, и сладкий рот, который нетерпеливо приоткрывается по мере того, как растет ее интерес к разговору. У нее также есть дар сидеть тихо и внимательно, но при этом с видом большого оживления из-за энтузиазма в ее сияющих голубых глазах.

Всего за один год Дина прошла путь от безвестности до мировой славы. Тысячи фотографий с автографами, которые она подписала. Но ее реакция на такие острые ощущения, как дерганье за ниточки в кукольном театре на улице Олвера (вы видите ее выше, справа, покупающую билет), на выбор ее первого вечернего платья, доказывает, что она нормальный ребенок.

Маленькая девочка, похожая на леди, с изящными манерами и интеллектом не по годам (вы можете посмотреть свидетельство о рождении в Виннипеге, Канада - 4 декабря 1922 года), и она не неженка. Ее любимый вид спорта, например, - катание на роликовых коньках.

"Только я больше не могу этого делать!" сказала она с искренним сожалением.

Это наказание за популярность. Молодой артистке, которая благодаря двум картинам и радиопрограмме Эдди Кантора так понравилась публике, трудно вести личную жизнь.

Когда Дина, размахивая шляпкой в руке, спустилась в полном неведении по террасам Голливуд Боул (перев. - амфитеатр в районе Голливуд-Хиллз в Лос-Анджелесе, штат Калифорния) после прослушивания концерта прошлой ночью, фанаты окружили ее толпой. Она раздавала автографы в течение часа. Если бы она поехала кататься на роликовых коньках

- по любому тротуару на планете (территория вокруг ее дома слишком холмистая), публика стала бы мешать ей...

"О, нет!" Дина перебила, слегка смущенная: "Они меня не беспокоят. Но они отнимают лишь время, которого не хватает. Мне нравится раздавать автографы, но я просто не успевала бы делать что-нибудь другое".

И у нее есть много других дел, которые нужно сделать каждый день и в течение всего дня. Решив, что, будь что будет, но у их маленькой девочки будет своя собственная жизнь в течение какой-то части суток, Дурбины сделали первый шаг, покинув свой уютный маленький дом в районе, где у папы бизнес с недвижимостью, чтобы переехать в уединение большого, арендованного дома с акром земли, на отдаленном холме. Студия никому не дает

(Продолжение на стр. 79)

DEANNA DURBIN Дины Дурбин

Семья без притворства, мистер и миссис Дурбин (вверху), обедающая с Диной, решила, что у их дочери должна быть своя жизнь. Ее работа в кино и на радио, обильная почта поклонников, которую она собирает на почте студии, ее школьный распорядок, уроки пения (под руководством Андреса де Сегуролы, выше), поклонники, которые окружают ее, куда бы она ни пошла, - все это Дина воспринимает спокойно. Она расплывается за словом многим, но она обнаружила, что в славе тоже есть плюсы - например, в тот день, когда студия подарила ей машину

Личная жизнь Дины Дурбин

(Продолжение со стр. 22)

его адрес; номер телефона меняется каждые пару недель. Это гарантии личной жизни под номерами 1 и 2. Самые скромные и не заносчивые люди в Голливуде, Дурбины сочли такие меры предосторожности необходимыми, если Дина хочет нормально жить.

"Этот дом слишком велик для нас", - заметила теперь Дина, осуждающе покачивая своей рыжевато-коричневой головой в сторону стен и огромного ковра. "Мне нравятся крошечные домики. Да ведь у нас здесь пять спален! Конечно, для папы это основное. Но я думаю, возможно, позже мы сможем построить свой небольшой домик. Только для нас самих и моей сестры, чтобы она приезжала в гости."

Дина предпочла бы говорить об успехе своей старшей сестры, чем о своем собственном. Она обожает Эдит, которая на деньги, заработанные в качестве школьной учительницы, оплатила первые уроки вокала Дины.

Эдит по-прежнему преподает в школе Лос-Анджелеса, хотя недавно вышла замуж; Дина пела как соловей перед церемонией, а затем помчалась наверх как раз вовремя, чтобы степенно спуститься со свадебной компанией в качестве подружки невесты. Кстати, Эдит - чемпионка по фехтованию. "Множество медалей", - с гордостью призналась Дина. "О, она совершенство!"

Но мы говорили о распорядке дня в этом доме на склоне холма. Итак, первое: "Ну, я встаю утром, - практично сказала Дина, - но не раньше, чем мне нужно. Если я работаю в картине, я должна вставать с постели в шесть часов, но если я не работаю, - она хихикнула, - я не встаю, пока меня не позовут".

"И конечно, я каждый день хожу в школу при студии, снимаюсь или не снимаюсь. Еще я распеваюсь; гаммы, Вы знаете. И потом иду на урок вокала. Завтрак? Ах, да, я и забыла об этом. Я не люблю завтракать; на самом деле это моя худшая еда. Но если я фотографируюсь, мама заставляет меня есть яичницу с беконом и запить апельсиновым соком. Обедая я обычно в студии, в полдень, после школы; сэндвич и фрукты, что-то в этом роде..."

Пришлось дать Дине ключ от боковой двери столовой "Universal", чтобы она могла проскользнуть внутрь, не обходя здание для входа с улицы. Так как много людей хотели бы получить автографы, из-за чего у нее не было бы времени поесть.

"Если я работаю в кино, я иду в "hokey-rokey cart", как все делают, за газировкой; нет, я не люблю рожки с мороженым, только газировку. На ужин перед ночью - мое лучшее блюдо - овощи и мясо". "Ну, еще", - продолжила Дина в добровольной попытке подвести итоги своего дня, - "я играю в пинг-понг. Я хотела бы научиться играть в теннис! И я плаваю всякий раз, когда у меня появляется такая возможность - видите ли, мама устроила для меня несколько игровых часов каждый день, когда у меня нет съемок. И я хожу в кино. Мне это нравится. Особенно Микки Маус."

Ее главный товарищ по играм - двоюродная сестра из соседнего городка Инглвуд. Она, кстати, родилась всего на полтора часа раньше Дины. Это просто праздничная неделя, когда двоюродный брат приезжает погостить на денек или около того. "Я скучаю по девочкам, с которыми раньше ходила в государственную школу, - задумчиво добавила Дина, - но я сейчас так занята, что я почти никогда их не вижу. И нет никакого смысла в том, чтобы я приезжала навестить их"

на занятиях - я посещала их один или два раза в прошлом сезоне - потому что в этом году все они разбросаны по младшим школам Лос-Анджелеса. Тем не менее, у меня все равно не было много времени, чтобы провести с ними. Даже, если, возможно, они бы жили прямо по соседству."

Она вздохнула. Но сразу же оживилась, когда кто-то упомянул другого, так сказать, товарища по играм. Естественно, Дина больше не играет в куклы; теперь она изучает предметы второго класса средней школы - латынь и алгебру, Шекспира и всемирную историю, а также читает такие книги, как "Тиш" и "Унесенные ветром", но всегда есть Генри. Она взлетела вверх, чтобы забрать его; было слышно, как ее ноги бодро бегают по полу над головой, по полу ее сине-белорозовой спальни. Она необычайно любит синий цвет в одежде; но из всех других цветов, она так и не смогла выбрать самый любимый. Она спустилась вниз, держа Генри на руках. Генри - это кролик, которого Генри Костер, режиссер "Трех умных девочек" и "100 мужчин и девушка", подарил ей на Пасху; бархатистый, мягкий белый кролик замечательных размеров, мило одетый в светло-клубничный плюшевый комбинезон, который подходит к цветку его больших височных ушей.

Генри - кролик с характером. Его большие карие глаза расположены так близко к симпатичному белому носу, что создается впечатление, будто он смотрит вверх с застенчивым, заискивающим выражением, на которое приятно смотреть. Дина возила его в Бостон, Филадельфию, Виннипег. Она держит для него специальный стул в углу своей комнаты.

Переместив Генри в небрежную позу под мышкой, она протянула руку, в которой был еще один приз. Тонкий браслет-цепочка из золота, увешанный безделушками "шарм". "Видишь?" - сказала она, вращая золотой браслет, балансирующий на бесконечно малом стержне, тоже подарок режиссера Костера. "Когда это вращается, получается "Три умные девочки". И смотрите!" Она крутанула еще один браслет, подарок помощника продюсера Джо Пастернака. "Здесь написано "100 мужчин и девушка". Ваши глаза должны привыкнуть к кружащимся буквам..."

Она села на пол, ее широкая синяя юбка расправилась вокруг нее, и рукой, не занятой Генри, она взяла связку маленьких серебряных лошадок, трех из них. Она поставила каждую по отдельности на ноги. "Разве они не грациозны? Они были на одной из съемочных площадок; они мне понравились, поэтому их подарили мне". Дикие серебристые гривы взметнулись, лошадки стояли в прекрасном, статичном полете. Рука Дины ласково зависла над ними. Подарки, однако, не раздувают ее эго. Ее чувство дружелюбия слишком обострено для этого. Когда исполнительный продюсер "Universal" Чарльз Р. Роджерс подарил ей красивый автомобиль после ее первой картины, Дина не могла поверить, что это был подарок, а не просто кредит.

Затем разговор зашел о ее учебе. Ей нравится арифметика; ей даже нравится алгебра! В государственной школе ее выбрали присматривать за кассовым аппаратом в кафетерии. Ей нравилось подсчитывать суммы и выдавать сдачу. К своей учебе она относится довольно серьезно. Член хорошо образованной семьи, она стремится к знаниям. На данный момент ее заворожила история. "Мы изучали лучшую книгу по истории!" - воскликнула она. "Я вам ее покажу". Снова вверх по лестнице - легко перепрыгивая через две ступеньки за

LIGHT CONDITION YOUR HOME

use only
GENERAL ELECTRIC
MAZDA LAMPS
60-WATTS AND SMALLER
15¢
75-100 WATT
SIZES . . . 20¢

Let this G-E lamp emblem on windows or doors guide you to stores that sell the new and brighter G-E MAZDA lamps.

MAZDA WAITS

I CAN'T RESIST THAT FLAVOR

"Neither can I! It's got the taste I like—delicious, with a bit of real tang. And it's kept so peppery and fresh. This airtight package of Beeman's guards every speck of flavor like precious essence. Beeman's is so fine for digestion, too. A happy thought after lunch or dinner—and a welcome treat any time!"

Beeman's
AIDS DIGESTION...

раз; рискованно - пара футов над головой; снова прыжок вниз по лестнице. "Вот самый замечательный абзац, подводящий итог Мировой войне. Подождите. Я отметила это красным карандашом."

Странный разговор для подростка! Но подросток очень умен.

Она указала на абзац. Каждое слово было подчеркнуто. По оценкам Николааса Мюррея Батлера, на деньги, потраченные на войну, каждая семья в десяти странах могла бы приобрести дом стоимостью 2500 долларов, мебель стоимостью 1000 долларов, несколько акров земли, а оставшихся денег хватило бы на строительство десятков университетов. "Разве это не ужасно?" - сказала Дина. "Не столько деньги, сколько миллионы убитых людей?" Значит, она пацифистка? "Да!" - с удивлением ответила Дина.

Несмотря на юношеские манерности, которые время от времени возникают, девушка знает, что у нее на уме. Тем не менее, это неправда, что она своевольна, несмотря на некоторые слухи в последнее время о том, что она может убрать людей со съемочной площадки, если захочет, и иногда это делает.

Правда этой истории в том, что, когда одна сцена в ее последней картине потребовала слез, Дина обратилась к режиссеру Костеру в замешательстве. "Я просто не могу плакать, когда люди смотрят на меня", - с несчастным видом призналась она. Под "людьми" она имела в виду посторонних. Поэтому, вполне разумно, посетители попросили уйти до окончания сцены. Дина не "отстранила их"; студия сообщает, что она не имеет права голоса относительно того, должны ли посетители допускаться или не должны.

Есть и другая история о том, как она отказалась позировать для фотографий. Ну, она позировала для всех рекламных снимков, пока они не попросили ее сфотографироваться в постели. Казалось, не было никаких причин для ее отказа, но Дине просто не нравилась мысль о том, что ее сфотографируют в постели. Поскольку звезде следовало бы иметь некоторую свободу в предпочтениях, она добилась своего. Однако ее коллеги скажут вам, что даже после того, как она приняла решение по какому-то вопросу, она с готовностью изменит его, если аргументы покажутся ей разумными.

Она знает, чего хочет, но она не упрямая.

В данный момент она скорее хочет, чтобы шляпка со спиралью из маленьких перьев появилась в ее гардеробе; шляпка, которую она носила с таким комическим эффектом в сценах оперного театра из "Сто мужчин и одна девушка". Дина думает, что это могло бы быть хорошим сувениром, раз уж людям это так понравилось.

"Мы хорошо провели время, снимая эти сцены, - заметила она, - хотя мне пришлось бежать изо всех сил, чтобы попасть из одной оперной ложи в другую в песне "Аллилуйя". Они использовали те же декорации, которые ранее использовались для "Призрака оперы", декорации с жестяной крышей и погода была изнуряющей. "Однажды днем под этой крышей было 125 градусов", - сказала Дина (перев. - по Фаренгейту, в градусах Цельсия - примерно 51). "В ту ночь я была в постели с шести. Но, как правило, я не ложусь спать после десяти; часто после семи, когда я работаю. Я люблю довольно много спать."

Пока звучал ее чистый, приятно модулированный голос, из-за угла донеслось неземное щебетание. "Это Фердинанд", - объяснила Дина, - "моя птичка. Он любит петь."

Канарейка? Нет, Фердинанд - поугай. Темноволосая миссис Дурбин, которая незадолго до этого вошла в комнату (Дина встала и стояла, пока ее мать не села), мягко рассмеялась. "Я не знаю, можно ли точно назвать это пением, этот шум, который издает Фердинанд".

Дина выглядела удивленной и немного обиженной. "Но он действительно поет, мама", - ответила она, спешив защитить своего питомца. "Он делает все, что в его силах!"

Фердинанда, пса Типпи и кролика Генри сопровождает искусственный медведь коала. Дина объяснила: "Это произносится как "кула", и он коренной житель Австралии". У медведя коалы есть место у камина в гостиной, где он прислоняется к пуфику.

"Он в натуральную величину", - ликовала Дина, подхватывая малыша, который размером примерно со щенка колли, "хотя он вблизи не такой большой, как взрослый, обычный медведь, не так ли?"

Why Can't the Stars Stay Married?

(Continued from page 29)

earlier days: "Martha Jane, beloved wife of Ezra Jones"; "Ann Louise, beloved wife of Ezra Jones"; "Mary Eliza, beloved wife of Ezra Jones." Maybe the stars prefer another way of solving their love problems than that chosen by their great-grandmothers.

My companion was not satisfied with my generalization, however, but wanted to discuss the special problem of the screen stars. We all know that John Barrymore, for example, has been married four times. His trouble isn't that he can't fall in love, but perhaps that he does it so easily.

When a great lover is an actor, he is faced with an especially difficult problem. To act well, one must have imagination and sympathy; one must be able to put himself intensely into a part and yield himself to its appeal. Now that's a great gift. But it's as dangerous in life as it is necessary on screen and stage.

An actor like Barrymore begins to fancy how it would feel to be married to some lovely girl. Pretty soon his imagination makes him picture himself in that relation. Then he feels just how it would be, holding her close, and by-and-by marrying her. Every time he meets her, he unconsciously plays the part he has allowed himself to imagine.

And, of course, all the feeling, all the sympathy of his dramatic gift slip into his behavior. Before she knows it, the girl becomes the heroine in his personal play, caught by the power of his emotional intensity. Now, just as no actor plays the same part for years, so a man like Barrymore, even without knowing it, begins to dream after a while of the excitement of a new romance.

Of course, we all have something of that tendency, but it's not so hard for ordinary people to keep from exercising it as for a screen artist. Creative natures in any field find it more difficult to keep their imaginations from being too active in their personal lives than do sedate natures. It's easy enough for an accountant to remain loyal to the woman of his dreams. His fancy seldom bothers him. But for one whose feelings become intensely stirred, while vivid pictures race through his brain, it's another story.

THERE'S more to the question than feeling and imagination, however. My Hollywood friend referred to Constance Bennett, whose romances and marriages have continually kept Hollywood on its toes. She pointed to those two early marriages of Connie's—the first, an

"Медведи-коалы несут своих детенышей на спине. О, я действительно думаю, что Австралия, должно быть, самая милая страна, где коалы возят своих детей на спине, а кенгуру носят их в этом миллом мешочке на животе". Тема - животные и их привычки - привлекла к Адольфу Менжу менее нелогично, чем можно было бы предположить (перев. - Адольф Менж - актер, снявшийся с Диной в фильме "Сто мужчин и одна девушка" в роли ее отца). Но для Дины первоклассный актер. Не только потому, что он такой хороший актер, но и потому, что он может корчить такие страшные рожи. "Он делает лицо леопарда", - сказала она. "Он делает это каждый раз, когда я его прощу. Честно говоря, он выглядит точь-в-точь как леопард! Честно!" Пятна и все такое? Спросили мы. "Ну, нет", призналась Дина, - "но в любом случае, это здорово".

ПОКА она говорила, мы вспомнили, что в течение трех месяцев после того, как ее нашел поисковик талантов, юная Дина заключила контракт с "Metro-Goldwyn-Mayer" и что эта студия по неосторожности ничего не сделала для нее. И все же сейчас, за один короткий год с тех пор, как ее купила "Universal", она стала полноценной звездой, для которой безупречный Менжу корчит леопардовые рожи! Достаточно было бы всего лишь одного из этого - славы или того, что мужчины корчат тебе рожи - но этому счастливицу повезло... Но везение ли это, когда есть тяжелая работа и личная жизнь, которая ограничивается несколькими часами ежедневно: попсовые визиты к друзьям, книга (она читает более тридцати книг в год), верховая прогулка в соответствующей компании.. А несколько месяцев назад она могла кататься на роликах по хорошему, гладкому бетону, где бы она его ни нашла, и бегать с другими школьниками в кондитерскую. У славы есть свои недостатки. "Он обычно ехал в офсайд, подальше от камеры", - Дина хихикала, все еще сосредоточенная на Менжу. - "и корчил мне самые ужасные рожи, пытаясь заставить меня смеяться. Прямо в середине сцены. Иногда, действительно, это было... это было серьезно". Она хихикнула снова. "Фильмы, - это весело!" - сказала Дина, которая работает над ними усерднее, чем многие взрослые.